

УДК 930.1(09)+947.083 (Р571.4)
ББК 63.1–293+63.3(2)52 (2Каз-8)

Жанна Сабитбековна Мажитова,
кандидат исторических наук, доцент,
университет «Астана»,
(010000, Казахстан, г. Астана, ул. Ауезова, 40/1)
e-mail: mazhitova_69@mail.ru

**Полемика вокруг суда биев среди представителей
казахской интеллигенции начала XX в. (сравнительно-исторический анализ)**

В статье рассматриваются подходы лидеров национальной интеллигенции к традиционному правовому институту казахского общества суду биев, который переживал трансформацию в результате проводимых царским правительством реформ в XIX – нач. XX в. В этих условиях актуализировался вопрос о будущем правовой системы Казахстана, которое по-разному виделось представителями передовой интеллигенции. Активное участие в полемике на страницах периодических изданий проявили как сторонники сохранения в основе суда биев обычного права (А. Букейханов и др.), так и приверженцы идеи введения основ шариата в казахских судах (Б. Каратаев, С. Лапин и др.). Особенно активно участники данного спора проявили себя в послереволюционный период 1917 г., когда надежды партии «Алаш» на создание национальной автономии с присущими ей государственными институтами (в том числе правовыми) были связаны с белым движением. С установлением советской власти, идеи о дальнейшем функционировании суда биев были уничтожены, но те споры, которые объединяли национальную интеллигенцию по этому вопросу, говорят о том, что при обсуждении дальнейшего развития казахского общества, национальная интеллигенция придавала первостепенное значение суду биев, как одному из основных институтов, без которого это развитие представлялось невозможным.

Ключевые слова: суд биев, национальная интеллигенция, шариат, адат, обычное право.

Zhanna Sabitbekovna Mazhitova,
Candidate of History, Associate Professor,
“Astana” University,
(40/1, Auyezov St., Astana, Kazakhstan, 010000)
e-mail: mazhitova_69@mail.r

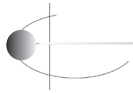
**Discussions upon the Court of Biys among Kazakh National Intellectuals
at the Beginning of the 20th Century (Comparative-Historical Analysis)**

The article considers the issues of relation of national intellectual leaders' relation to the traditional institute of Kazakh society, court of biys, which in XIX – beginning of XX cc. had a transformation caused by tsar government reforms. Under these circumstances, the issue of future of Kazakhstan legal system became vital and national intellectuals had different points of view upon that matter. Both supporters of the common law for the court of biys (A. Bukeykhanov etc.) and adherers of introducing sharia basis in Kazakh courts (B. Karatayev, S. Lapin etc.) actively participated in debates upon this issue on the pages of periodicals. These disputers were exceptionally active during the period between revolutions in 1917, when «Alash» party's hopes to create national autonomy with corresponding state institutes (including legislative) were connected with the White movement. Setting up the soviet authorities destructed the ideas about further biys' courts activity, however, the disputes, which united the national intellectuals, indicate that the court of biys was the primary issue of the national intellectuals when discussing future development of Kazakh society, considering it as one of the main institutes, and it this development would be impossible without it.

Keywords: court of biys, national intellectuals, sharia, adat, common law.

Середину XIX – начало XX в. можно назвать периодом, когда правительство Российской империи неоднократно предпринимало попытки изменить судебную практику в казахском крае. Введение в казахских степях

общеемперского законодательства вызвало желание восстановить некоторые элементы традиционного суда биев. При проведении реформ официальные власти делали акцент на внедрение выборного начала на всех

уровнях власти, отменяя при этом наследственные права биев. Такая политика позволяла отказаться от услуг национальной элиты и опираться в региональной политике на зарождавшуюся буржуазию, которой выборное начало давало возможность выделиться из общей массы кочевников. Но в то же время правительство учитывало большую популярность среди простого населения биев, авторитет которых даже после проведенных реформ «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» (1867) и «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» (1868) не утратил своей актуальности. К тому же сложность императорского законодательства, неприспособленность его норм к условиям кочевого быта, незнание русского языка и российских процессуальных норм вынуждали казахов по-прежнему обращаться к помощи традиционного суда. При этом уголовные дела оставались в ведении общеимперских судов. Все вопросы права и судопроизводства нашли отражение в выступлениях национальной интеллигенции в печати и в программных документах лидеров партии «Алаш», основной задачей которой было создание казахской государственности – автономии «Алаш».

Одним из первых к актуальным проблемам казахского общества начала XX в. обратился редактор и переводчик газеты «Дала уалаяты», публицист, просветитель-демократ, в совершенстве владевший арабским, иранским, русским, татарским, французским языками Динмухамет Султангазин (1867–1918). Особое место в исследованиях Д. Султангазина занимали вопросы функционирования суда биев. По его мнению, реформы царского правительства середины XIX в. нанесли существенный вред судебной системе казахской степи. Д. Султангазин отмечал, что традиционный суд отличали принципы демократизма, гуманизма, что он был более приемлем для регламентации норм кочевого общества и сохранения казахской государственности. Конечно, на страницах газеты, которая являлась официальным органом царского правительства, мысли о вреде русского суда и о невозможности применения общероссийских судебных норм в среде кочевников, звучали завуалировано: «Прежних биев не выбирали, умные, знающие народные законы, ораторы, пользующие уважением среди народа. Они вели дела по справедливости, их решения по делам были обязательны и для ханов» [20].

Полагаем, автор был прав, говоря, что древний суд биев («народный») в эпоху существования казахского национального государства (XV – сер. XIX в.) коренным образом отличался от того народного суда биев, который под тем же названием во второй половине XIX в. был создан царским правительством как придаток колониальной администрации. Обращаясь к истории традиционного суда казахов, Д. Султангазин подчеркивал, что в доколониальный период суд биев не был столь неприкрытым орудием беззакония, лихоимства и неограниченного произвола. Тогда бии не были, как во второй половине XIX в., чиновниками, пролезающими на эту должность путём подкупа и тёмных махинаций на систематически фальсифицируемых выборах. По мнению Д. Султангазина, в прежнее время в казахском обществе уже сформировались основы государственной власти, причём судебная власть при рассмотрении дел была независима, при решении споров суд биев руководствовался принципами справедливости, что удовлетворяло интересы обеих сторон.

Вопросы будущего суда биев также нашли отражение в работах Барлыбека Сыртанова (1866–1914), который был носителем идеи независимости и свободы казахского народа, видным представителем прогрессивного демократического движения, автором проекта первой демократической Конституции («Устав страны казахов»). Получив начальное образование в гимназии для мальчиков в г. Верном, Б. Сыртанов поступил на факультет востоковедения Санкт-Петербургского университета, где овладел арабским, иранским, татарским и другими языками. После окончания университета он работал в областном управлении Жетысу (Семиреченской области), где поднимал вопросы улучшения функционирования судебной системы. В 1910–1913 гг. работал над Уставом, в котором сформулировал юридические основы будущего Казахстана как независимой республики, вышедшей из состава Российской империи.

Можно сказать, что Б. Сыртанов являлся одним из ярких правоведов своего времени, создавший закон, в котором воплотились стремления национальной интеллигенции к обретению казахами политической независимости. Многие идеи Устава и сегодня поражают своей новизной, глубиной мысли и новаторским духом. Взгляды Б. Сыртанова на пути обеспечения независимости судов породили в тот момент большие споры. В частности, в Уставе по поводу независимо-

сти судебной власти, он писал: «Судьи при решении споров должны быть независимы от правительства, основным условием действия права должны стать закон и судебные положения. Давление на судей запрещено» [7].

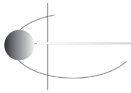
Об особом статусе судьи, определённом в уставе говорит и тот факт, что судьи не должны были состоять ни в каких партиях и общественных объединениях: «На месте суда не должно быть партий. Судья не может быть членом партии. Бий, ставший тайно членом, лишается своего места» [7]. Б. Сыртанов выдвигал предложение ввести в казахскую судебную систему суд присяжных, в компетенцию которого должно было входить рассмотрение тяжёлых уголовных преступлений [7]. По мнению Б. Сыртанова, норма права и судебный прецедент должны быть представлены в единой правовой форме. В частности, казахские народные суды, рассматривая дела, имели право вносить изменения в нормы обычного права для восполнения недостатков в законах. В этом прослеживалась связь норм древнего казахского суда, то есть «власти биев», и желание Б. Сыртанова перенести древнее право в будущую Конституцию.

Особое место в плеяде национальной интеллигенции начала XX в. занимал Раимжан Марсеков (1879–1937) – политик, публицист, защитник прав человека, один из первых казахских правоведов, автор ряда трудов по теории государства и права. В своих статьях на страницах журнала «Айкап» и газеты «Казах» он поднимал правовые, социально-политические проблемы казахского общества, в том числе вопросы о положении женщин, созыве Всеказахского съезда и другие. Критически относясь к мероприятиям царизма по введению «Временных положений ...» 1867 г. и 1868 г., он писал: «Выборы по крайней мере при той организации, какая существует теперь, не только не обеспечивают нам достойных своего звания людей, но еще вносят в нашу среду вражду... А сколько баранов и сколько лошадей режут за этот период времени? И мы знаем не мало примеров обеднения киргизов и именно из-за сайлау (выборов – Ж. М.). В самом деле, как не обеднеет народ, когда эти расходы доходят до суммы шести тысяч рублей... волостные управители, делая такие громадные расходы... обирают народ, налагая незаконные поборы.... Таким образом, все стороны нашей жизни: семейная, юридическая и хозяйственная – все они одинаково чувствуют на себе тот гнет, который налагает на них сайлау» [14].

Р. Марсеков подверг критике правовые нормы, введённые властями в казахскую судебную систему. По его мнению, судам была открыта дорога к несправедливости, к нарушению прав человека, беззаконию и бюрократизму. А между тем именно эти признаки никогда не были присущи традиционному казахскому суду. Правовед отмечал: «В своей деятельности наши народные суды, как и наша администрация, всегда и во всем преследует свои личные интересы в ущерб интересам права и справедливости. Не судьи для общества существуют, а общество для судей, стремление и желание которых сорвать что-нибудь от ответчика и истца» [15].

Выход из создавшейся ситуации Р. Марсеков видел не в восстановлении прежних или изменённых дореформенных судебных институтов, а во введении письменных правовых кодексов. Именно такие законоположения, считал он, позволят кодифицировать правовые нормы, создав при этом стройную правовую систему: «...наши киргизы (казахи – Ж. М.) теперь переживают ту самую стадию развития, при которой обычное право не может удовлетворять требованиям жизни. К тому ещё нужно добавить, что масса биев не знает существующих юридических обычаев, большинство которых отжило свой век и взамен их ничего нового не создано. Вот почему и нам приходится слышать, что судьи решают дела не по обычаю... на чем же тогда они основывают свои решения? Ни на чем – иначе говоря, сами себе творят право по произволу. Очевидно, что такое положение вещей дальше невыносимо, и для руководства в решениях дел суду необходим кодекс, без него суд не может правильно отправлять свои функции» [15].

Понимая, что нормы кодексов напрямую зависят от того, кто будет принимать участие в их разработках, и, желая отстранить от работы над ними царских чиновников, которые не могут в полной мере отразить потребности казахского общества, Р. Марсеков предлагал: «При составлении кодекса необходимо, чтобы в этой работе принимали участие как замечательные бии, так и те, которые слывут за знатоков юридических обычаев и вообще за толковых людей для обсуждения целесообразности тех или иных обычаев и законоположений» [15]. Понимая, что беспокойное время требует кардинальных изменений в судебной системе, тем не менее Р. Марсеков не боялся воспользоваться помощью «вчерашних» судей-биев, которые олицетворяли собой мудрых, справедливых, беспристрастных судей, людей высокой нравственности, крас-

норечия и юридических познаний, выступающих в роли арбитра по приглашению сторон, чтобы разумным решением устранить вражду и самоуправство в казахских родах.

Изображение биев как носителей справедливости, мудрых глашатаев права, авторитет которых покоится на уважении народа к их познаниям, опытности и красноречию, было характерно и для работ Ахмета Байтурсынова (1873–1937). В статье «И снова про народный суд», вышедшей в 1911 г., он подчеркивал: «До выхода Устава 1822 г. (речь идет об «Уставе о сибирских киргизах» – Ж. М.) казахский суд биев был самобытен, казахи сами решали свои споры. В то время биев не выбирали, судебная власть принадлежала уважаемым в народе биям. Если две стороны приходили к бию за разрешением спора, то его решение принимали обе стороны. С изменением быта и жизни казахов, стали исчезать уважаемые всеми бии...» [2].

Коррупционность выборных властей, в том числе и биев, незнание ими основных положений неписанного права казахов к концу XIX – началу XX в. стали очевидны, и этот факт тревожил как российскую, так и казахскую передовую интеллигенцию. На страницах газеты «Дала уалаяты», которая издавалась в это время, нашли отражение рассуждения, мысли о том, что обычное право переживает период вырождения, так как мало осталось в степи знатоков – честных, справедливых, надежных биев, что оно не соответствует вызовам времени, так как не успевает вбирать в себя новые черты переходного периода. Это приводило к злоупотреблению со стороны нечестных биев, которые трактовали его в угоду своим интересам [1; 10]. Также говорилось о том, что уровень работы суда снизился, так как закрепленные в русских законах требования, не всегда соответствовали уровню и знаниям казахских биев. Требование записывать постановления суда в специальных книгах, сложность процедурных вопросов, незнание русского языка и многие другие препятствия затрудняли работу биев, запутывали их, что, в конечном счете, отрицательно влияло на их судебную компетенцию [12].

В 1912 г. сообщением о том, что царским правительством подготовлен проект закона, согласно которому на казахских территориях должно было быть введено крестьянское положение, аналогичное центральным территориям империи, а традиционный народный суд заменялся крестьянским волостным, встревожило лидеров национальной интел-

лигенции. Одним из первых на появление проекта отреагировал юрист Жанша Сейдалин (1877–1923), который предложил организовать казахский съезд для обсуждения реформ системы управления и суда [19, с. 244].

На страницах периодических изданий развернулась дискуссия о будущем судебной системы. Публикуются материалы, в которых одни авторы выступают за расширение функций русского суда за счет сохранения суда биев, другие – за шариатский суд [21, с. 157], а третьи, наоборот, критикуют эти идеи.

К числу тех, кто выступал против расширения функций русского суда и введения основ шариата, можно отнести лидера партии «Алаш» Алихана Букейханова (1866–1937). Свою позицию в отношении ограничения полномочий русского суда он подкрепил примером из британской судебной системы в Азии, основанной на местных обычаях. К тому же, по его мнению, содержать русского судью в каждом казахском ауле не представлялось возможным по многим причинам, в том числе, финансовым. Идею же введения шариата в казахских судах он встретил очень осторожно. Лидер партии «Алаш» считал, что в жизни казахов, в том числе, в правовой культуре, шариат никогда не играл существенной роли. «Шариат тверд как камень и никогда не меняется и не соответствует реальностям казахской жизни» [4; 5, с. 167]. Кроме того, он подверг острой критике действия царских властей по переустройству суда биев: «С тех пор как казахи объединились с русскими, исчезли сильные как скакуны и мудрые на слова бии. Опираясь на слова наших известных биев, нынешние суды вершат свои дела за взятки, делая черное белым, а белое черным, таков сегодняшней наш день. Надеюсь на нынешних биев, мы теряем свое лицо как народ. Наша человеческая задача – направить этих заблудившихся людей на верный путь справедливой власти. Не зная обычаи и нравы народа, никто не имеет прав диктовать ему свой закон» [5, с. 167]. Рассматривая организацию волостного суда, А. Букейханов отмечал, что «у казахов по закону волость состоит из 1000 юрт, а аул не менее из 100 юрт. Если перевести казахского судью на русского, то на одну волость необходимо 10 судей, следовательно, на содержание одного из них приходится около 3 000 р. Для волости это обойдется в 30 000 р. На одну семью 30 р. пошлины. А казахи – народ степной, у большинства из них нет возможности оплатить такую сумму». И далее: «Русский судья не знает языка нашего народа. Спор через переводчика не име-

ет смысла. Замена казахского бия русским судьей не имеет никакой необходимости» [5, с. 168].

Понять озабоченность А. Букейханова можно, так как традиционное казахское судопроизводство сводилось к примирительно-третейскому разбирательству на основе добровольного соглашения сторон. В биях видели юристов-специалистов, профессиональных арбитров, знатоков и глашатаев права. Фигура бия для простых кочевников фактически заслоняла прочие органы власти [13].

Отрицательное отношение А. Букейханова к идее внедрения в казахский суд норм шариата вызвали бурную реакцию со стороны некоторой части общественности, которая выступала за введение шариата по модели татар, подчинённых ведомству Оренбургского духовного собрания. Оппоненты критиковали А. Букейханова за холодную позицию в отношении шариата, который, по мнению его сторонников, заключался в «исламе затвердевшим как камень является только ибадат (различные формы поклонения Богу), а муамалат (нормы отношений между людьми) и укубат (система наказаний) могут меняться» [18]. В отличие от газеты «Казах», которая часто печатала статьи А. Букейханова, журнал «Айкап» систематически размещал на своих страницах материалы в поддержку подчинения казахов Оренбургскому духовному собранию, которое невозможно было без внедрения шариата в судебные дела казахов [8; 16].

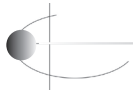
Будучи фактически идейным руководителем газеты «Казах», А. Букейханов не всегда находил поддержку своих идей даже среди авторов этой газеты. Так, к примеру, Шакарим Кудайбердиев (1858–1931), который имел авторитет и вес среди передовой интеллигенции Казахстана, считал, что внедрение норм шариата в судебных делах будет полезным для казахского общества. По его мнению, «окостенелость» шариата связана с безграмотностью мулл, которые, имея половинчатые знания, не могут правильно и грамотно донести до народа основы правовых, морально-этических и религиозных норм ислама. Для этого он предлагал уменьшить количество биев. Данная мера, по убеждению философа, привела бы к улучшению качества работы и состава биев [22].

На IV Всероссийском мусульманском съезде, проходившем в июне 1914 года в г. Санкт-Петербурге, одной из ключевых проблем, по которому возникли горячие споры, был вопрос о реформе Духовных собраний.

В казахской делегации произошел раскол на основе дискуссии о введении основ шариата среди казахов. А. Букейханов стоял в отношении проблемы на своих прежних позициях. Он был убежден, что шариат не только вреден для народа, но и не нужен, так как казахи в своей обычно-правовой культуре опираются на адат, обычное право. Позиция А. Букейханова не нашла поддержки среди других членов делегации, которые осудили его за содействие русификации. Так, Б. Каратаев, С. Лапин, Ж. Сейдалин и другие считали: «Время обычного права среди казахов ушло. Весь казахский народ испытывает гнёт со стороны так называемого народного суда. В этом суде справедливости нет. Единственный выход из создавшейся ситуации для казахского народа – это принятие норм шариата» [9].

Особенно непреклонен в этом вопросе был публицист, гуманист, просветитель, депутат II Государственной Думы Российской империи Бахытжан Каратаев (1869–1934). Пройдя сложный политический путь – от члена кадетской партии до вхождения в партию большевиков, а затем и выхода из нее, он поднимал в своих работах актуальные проблемы казахов. Будущее судебной власти Б. Каратаев видел в её независимости. Так же, как и его современники, он считал, что серьезным испытанием для казахской судебной системы стало введение «Временных положений...», нанесших удар по традиционному казахскому обществу. Введение российского судопроизводства привело к появлению взяточничества, борьбы за должность, коррупции в судах. В таких условиях обычное право окончательно потеряло свое значение в казахском обществе, а судьи стали игрушками в руках чиновников. Выход из создавшейся ситуации Б. Каратаев связывал с введением норм шариата в судебную систему.

Вскоре после окончания работы съезда А. Букейханов написал статью, в которой, освещая круг вопросов, поднятых на нем, заметил, что нормы шариата, в отличие от адата, достаточно жёстко регламентируют брачно-семейные отношения. Он привел в пример героиню романа М. Дулатова «Несчастливая Жамал», которую шариат жестоко наказал бы за её побег с любимым человеком [3]. Эта статья вызвала новую волну публикаций в поддержку шариата. Авторы осудили А. Букейханова за неправильное понимание Корана и защиту адата, а также высказали идею о том, что в начале XX в. адат нужен только царскому правительству как средство для

удержания казахов в первобытном состоянии [16, с. 335]. Споры внутри национальной интеллигенции по вопросам будущего казахского суда породили внутри неё идейный раскол.

После закрытия осенью 1915 г. журнала «Айкап», позиции сторонников сохранения адата укрепились, хотя и они не исключали возможности введения шариата в некоторые судебные дела, особенно касающиеся вопроса развода. Впоследствии идеи А. Букейханова легли в основу программы партии «Алаш», которая после создания правительства «Алаш-Орды» занялась вопросами реформирования народного суда биев.

В годы гражданской войны партия «Алаш» все свои надежды на национальное возрождение связывала с белым движением. Правительство адмирала Колчака, понимая важность для казахов вопросов сохранения обычного права, по инициативе алашордынцев разработало в 1919 г. Положение о казахском суде, которое повысило статус казахских судей и расширило область применения неписанного права казахов. Казахскому суду было предоставлено право принимать и рассматривать как все гражданские, так и уголовные иски. Одним из главных критериев в отборе судей было знание казахского языка. Судьба белого движения всем известна, но даже после установления на территории Казахстана советской власти, лидеры партии не переставали уделять вопросам казахско-

го судоустройства внимание. Если в первые годы своего господства власть Советов снисходительно относилась к деятельности судов биев, что выразилось в надежде М. Дулатова на дальнейшую работу суда биев [6], то с середины 1920-х гг. она всерьёз занялась искоренением норм адата в среде казахов. Но даже в этих условиях, невзирая на возможное осложнение отношений с новой властью, М. Дулатов предлагал меры для улучшения работы суда: жёсткий отбор честных людей в качестве кандидатов в депутаты по примеру отбора членов Коммунистической партии; запрет судьям работать в своем родном районе; правовая грамотность [6].

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на потерю своего статуса к началу XX в., суд биев продолжал играть немаловажную роль в казахском обществе, символизируя собой авторитет, мудрость, знания народных традиций и права, казахскую государственность. Поэтому понятно обращение лидеров национальной интеллигенции к этой теме в тот момент, когда актуализировался вопрос обретения национальной независимости. Поиск путей соединения реформаторских идей и основ традиционной системы права стал краеугольным камнем теоретических воззрений национальной интеллигенции на пути возрождения казахской государственности.

Список литературы

1. Бабай Бүркіт. Қырдан келген хабарлар: Зайсан оязынан // Дала уалаятының газеті. 1894. № 41. С. 2.
2. Байтурсынов А. И снова про народный суд // Ак жол. Алматы: Жеті жарғы, 1991. С. 164.
3. Бөкейханов Ә. Мұсылман сиезі // Қазақ. 1914. № 89. 2 б.
4. Бөкейханов Ә. Тағы да би һәм билік // Құраст.: М. Қойгелдиев. Алматы, 1994. 167–168 бб.
5. Букейханов А. Бии и власть // Избранное. Алматы, 1995. 478 с.
6. Дулатов М. Халық соты (1921 г.) // Міржақып Дулатұлы. Бес томдық шығармалар жинағы. Т. 3: Көсемсөз, әдеби-сын және зерттеу мақалалары, қазақ тілінде басылған кітаптар көрсеткіштері / Құраст.: Г. Дулатова, С. Иманбаева. Алматы, 2003. 44–46 бб.
7. Единство тюрков. 1992. № 1. С. 12.
8. Камали И. А. Шарифатты ма немесе ғұрыпты ма қалдыруға? // Айкап. 1914. № 12. С. 191–192.
9. Каратаев С. Б., Сейдалиев Ж. Ш., Лапин С., Аманшин Д., Нарынбаев А. Итоги советов казахов по религиозно-правовому и земельному вопросу // Айкап. 1914. № 14. С. 226–229.
10. Көшпелі Қазақбай ұлы. Қазақ билерінің жұмыстары тексере тұғыны турасынан // Дала уалаятының газеті. 1894. № 46. 3 б.
11. Қажы Досмаил Қашқынбай ұлы. Әдет турасында // Айкап. 1915. № 3. С. 35–38.
12. Қорабай Жапан ұлы. Ғылым оқудың қажет екенінің баяны // Дала уалаятының газеті. 1894. № 37. 3 б.
13. Мажитова Ж. С. Традиционный судебный институт казахского общества в трудах представителей национальной интеллигенции начала XX века: материалы междунар.

- науч.-практ. конф. «Традиционные общества: неизвестное прошлое». Челябинск, 2009. С. 121–126.
14. Марсеков Р. Сайлау и его вредные последствия // Киргизская степная газета. 1899. 28 ноября. С. 4.
 15. Марсеков Р. Киргизский народный суд // Киргизская степная газета. 1900. 2 января. С. 3.
 16. Мәкет. Шариғатты қорғау үшін // Айқап. 1914. № 24. С. 335–337.
 17. Рахматулла Илияс ұлы. Ескі ауруларымызға ескірген дарулар // Айқап. 1914. № 9. С. 141–142.
 18. Сәрсекеев Мұғалім Хафиз. Дұрыстық // Айқап. 1914. № 8. С. 130–131.
 19. Сейдалин Жиһанша Әлмұхамед ұлы. Азып-тозып кетпеске не амал бар? // Айқап. 1913. № 11. С. 243–247.
 20. Султангазин Д. Власть казахов в прежние времена // Дала уалаяты. 1888. № 51. С. 3.
 21. Шардай Қарасарт баласы. Тағы да қазақ дауы, би һәм билік // Айқап. 1914. № 10. С. 157–159.
 22. Шәкәрім. Би һәм билік туралы // Қазақ газеті. 1914. 8 маусым. № 165. 3 б.

References

1. Babai Bүrkit. Qyrdan kelgen khabarlar: Zaisan oyazyndan // Dala ualayatyның gazetі. 1894. № 41. С. 2.
2. Baitursynov A. I snova pro narodnyi sud // Ak zhol. Almaty: Zheti zharfy, 1991. S. 164.
3. Bekeikhanov Ә. Mұсылman siezi // Қазақ. 1914. № 89. 2 б.
4. Bekeikhanov Ә. Тағы да би һәм билік // Құраст.: М. Қоигелдиев. Almaty, 1994. 167–168 bb.
5. Bukeikhanov A. Bii i vlast' // Izbrannoe. Almaty, 1995. 478 s.
6. Dulatov M. Khalyқ soty (1921 g.) // Mirzhaқыр Dulatұly. Bes tomдық shyғarmalar zhinafy. T. 3: Kөsemsez, әdebi-syn zhөne zertteu maқalalary, қазақ tilinde basylған kitaptar көсетkishteri / Құраст.: G. Dulatova, S. Imanbaeva. Almaty, 2003. 44–46 bb.
7. Edinstvo tyurkov. 1992. № 1. S. 12.
8. Kamali I. A. Sharifatty ma nemese ғұрыpty ma қалдыруға? // Айқап. 1914. № 12. S. 191–192.
9. Karataev S. B., Seidalin Zh.Sh., Lapin S., Amanshin D., Narynbaev A. Itogi sovetov kazakhov po religiozno-pravovomu i zemel'nomu voprosu // Айқап. 1914. № 14. S. 226–229.
10. Keshpeli Қазақбай ұly. Қазақ бilerinің zhұmystary tekserе тұғыny turasyndan // Dala ualayatyның gazetі. 1894. № 46. 3 б.
11. Қазhy Dosmail Қашқынбай ұly. Әdet turasynda // Айқап. 1915. № 3. S. 35–38.
12. Қорabai Zharan ұly. Fylym оқудың қazhet ekeninің bayany // Dala ualayatyның gazetі. 1894. № 37. 3 б.
13. Mazhitova Zh. S. Traditsionnyi sudebnyi institut kazakhskogo obshchestva v trudakh predstavitelei natsional'noi intelligentsii nachala XX veka: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe». Chelyabinsk, 2009. S.121–126.
14. Marsekov R. Sailau i ego vrednye posledstviya // Kirgizskaya stepnaya gazeta. 1899. 28 noyabrya. S. 4.
15. Marsekov R. Kirgizskii narodnyi sud // Kirgizskaya stepnaya gazeta. 1900. 2 yanvarya. S. 3.
16. Mәket. Sharifatty қорғау үshin // Айқап. 1914. № 24. S. 335–337.
17. Rakhmatulla Iliyas ұly. Eski aurularymyzға eskirgen darular // Айқап. 1914. № 9. S. 141–142.
18. Sәrsеkeev Mұғalim Khafiz. Dұrystық // Айқап. 1914. № 8. S. 130–131.
19. Seidalin Zhihansha Әlmұkhamed ұly. Azyp-tozyp ketpeske ne amal bar? // Айқап. 1913. № 11. S. 243–247.
20. Sultangazin D. Vlast' kazakhov v prezhnie vremena // Dala ualayaty. 1888. № 51. S. 3.
21. Shardai Қарасart balasy. Тағы да қазақ дауы, би һәм билік // Айқап. 1914. № 10. S. 157–159.
22. Shәkәrim. Bi һәм билік туралы // Қазақ газеті. 1914. 8 mausym. № 165. 3 б.

Статья поступила в редакцию 30.03.2014